

Автор: Агафонов Николай, протоиерей

Красное крещение.

(Рассказ-быль)

Отец Петр встал коленями на половичок, посланный на льду у самого края проруби, и, погрузив в нее большой медный крест, осипшим голосом затынул:

- Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...

Тут же молодой звонкий голос пономаря Степана подхватил:

- Троическое явися поклонение...

Вместе с ними запели Крещенский тропарь крестьяне села Покровка, толпившиеся вокруг купели, вырубленной в виде креста. К моменту погружения креста вода успела затянуться тонкой корочкой льда, так как январь 1920 года выдался морозный. Но тяжелый крест, с хрустом проломив хрустальную преграду, продолжая в движении сокрушать хрупкие льдинки, чертил в холодной темной воде себе же подобное изображение.

Во время пения слов «И Дух, в виде голубине, извествоваше словесе утверждение...» Никифор Крынин, сунув руку за пазуху, вынул белого голубя и подбросил его вверх, прихлопнув ладонями. Голубь, вспорхнув, сделал круг над прорубью, полетел к небу. Крестьяне провожали голубя восторженными, по-детски обрадованными взглядами, как будто в самом деле в этом голубе увидели Святого Духа. Как только закончился молебен и отец Петр развернулся с крестным ходом, чтобы вернуться в церковь, толпа весело загомонила, бабы застучали ведрами и бидонами, а мужики пошли ко второй проруби, вырубленной в метрах двадцати выше по течению, чтобы окунуться в Иордань. Речка Пряда в этот день преобразилась в Иордань, протекающую за тысячи верст отсюда, в далекой и такой близкой для каждого русского сердца Палестине.

Пономарь Степан, подбежав к отцу Петру, сконфуженно зашептал:

- Батюшка, благословите меня в Иордань погрузиться.

- Да куда тебе, Степка, ты же простывший!..

- В Иордани благодатной и вылечусь от хвори, - с уверенностью произнес Степан. В глазах его светилась мольба, и отец Петр махнул рукой:

- Иди...

Подул восточный ветер. Снежная поземка, шевеля сухим камышом, стала замечать следы крестного хода. Когда подошли к церкви, белое марево застило уже все кругом, так что ни села, ни речки внизу разглядеть было невозможно.

Отец Петр с Никифором и певчими, обметая валенки в сенах и охлопав полушубок от снега, ввалились в избу и сразу запели тропарь Крещению. Батюшка, пройдя по дому, окропил все углы крещенской водой. Затем сели за стол почтить святой праздник трапезой. Прибежавший следом Степан, помолившись на образа, присел на краешек лавки у стола. Вначале все молча вкушали пищу, но после двух-трех здравниц завели оживленную беседу. Никифор мрачно молвил:

- Слышал я, у красных их главный, Лениным вроде кличут, объявил подразверстку, так она у них называется.

- Что это такое? - заинтересовались мужики.

- «Прод» - это означает продукты, ну, знамо дело, что самый главный продукт - это хлеб, вот они его и будут «разверстывать», в городах-то жрать нечего. - Что значит «разверстывать»? - взволновались мужики, интуитивно чувствуя в этом слове уже что-то угрожающее.

- Означает это, что весь хлебушек у мужиков отнимать будут.

- А если я, к примеру, не захочу отдавать? - горячился Савватий. - У самого семеро по лавкам - чем кормить буду? Семенным хлебом, что ли? А чем тогда весной сеять?

- Да тебя и не спросят, хочешь или не хочешь, семенной заберут, все подчистую, - тяжело вздохнул Никифор. - Против рожна не попрешь, они с оружием.

- Спрятать хлеб, - понизив голос, предложил Кондрат.

- Потому и «разверстка», что развернут твои половицы, залезут в погреба, вскопают амбары, а найдут припрятанное - и расстреляют, у них за этим дело не станет.

- Сегодня-то вряд ли они приедут - праздник, а завтра надо все же спрятать хлеб, - убежденно сказал Савватий.

- Это для нас праздник, а для них, супостатов, праздник - это когда можно пограбить да поозоровать над православным людом. Но сегодня, думаю, вряд ли, вон метель какая играет, - подытожил встревоживший мужиков разговор Никифор.

Тихо сидевшая до этого матушка Авдотья, жена отца Петра, всхлипнула и жалобно проговорила:

- От них, иродов безбожных, всего можно ожидать, говорят, что в первую очередь монахов да священников убивают, а куда я с девятью детишками мал мала меньше? - и матушка снова всхлипнула.

- Да вы посмотрите только на нее, уже живьем хоронит, - осерчал отец Петр. - Ну что ты выдумываешь, я че, в революцию, что ли, их лезу. Службу правлю по уставу - вот и всех делов. Они же тоже, чай, люди неглупые.

- Ой, батюшка, не скажи, - вступила в разговор просфорница, солдатская вдова Нюрка Востроглазова. - Давеча странница одна у меня ночевала да такую страсть рассказала, что не приведи Господи.

Все сидевшие за столом повернулись к ней послушать, что за страсть такая. Ободренная таким вниманием, Нюрка продолжала:

- В соседней губернии, в Царицынском уезде, есть большое село названием Цаца. В этом селе церковь, в которой служат два священника: один старый уже - настоятель, другой помоложе и детишек у него куча, не хуже как у нашего отца Петра. Дошел до сельчан тех слух, что скачет к ним отряд из Буденновской конницы. А командует отрядом тем Григорий Буйнов. Молва об этом Буйнове шла нехорошая, что особенно он люзует над священниками и церковными людьми. Передали это батюшке-настоятелю и предложили ему уехать из села от греха подальше. А он говорит: «Стар я от врагов Божиих бегать, да и власы главы моей седой все изочтены Господом. Если будет Его Святая воля - пострадаю, но не как наемник, а как пастырь, который овец своих должен от волков защищать». Молодой священник быстро собрался: жену, детишек, скарб на телегу кое-какой покидал - и в степь. Но не избег мученического венца: его Господь прямо на отряд Гришки вывел, и тут же порубили их сабельками. А как к селу подскакали ироды окаянные, к ним навстречу в белом облачении с крестом вышел батюшка-настоятель. Подлетает к нему на коне Григорий, как рубанет саблей со всего плеча, так рука-то, в которой крест держал, отлетела от батюшки. Развернул коня и рубанул во второй раз. Залилась белая риза кровью алой. Когда хоронили батюшку, то руку его в гроб вместе с крестом положили, так как не могли крест из длани батюшкиной вынуть. А за день до этого одной блаженной в их селе сон снился. Видит она батюшку в белых ризах, а рука в отдалении на воздухе с крестом. Когда рассказала сон людям, никто не мог понять, почему рука отдельно от тела.

- Ужасная кончина, - сокрушенно вздохнул отец Петр и перекрестился. - Не приведи, Господи. Степка, тоже перекрестившись, прошептал: - Блаженная кончина, - и, задумавшись, загрустил. Вспомнил, как ему, маленькому мальчику, мама по вечерам читала жития святых, в основном это были мученики или преподобные. Он, затаив дыхание, слушал и мысленно переносился во дворцы императоров-язычников и становился рядом с му-чениками. Как-то и он спросил маму:

- А можно нам тоже пойти во дворец к императору и сказать ему, что мы «христиане», пусть мучает.

- Глупенький, наш император сам христианин и царствует на страх врагам Божиим. Мученики были давно, но и сейчас есть место для подвигов во имя Христа. Например, подвижники в монастырях, - и читала ему о преподобных Сергии Радонежском и Серафиме Саровском. Воображение Степки переносило его в дремучие леса к святым кротким подвижникам, и он вместе с ними строил из деревьев храм, молитвой отгонял бесов и кормил из рук диких медведей. Степан стал мечтать о монастырской жизни. Грянувшая революция и гражданская война неожиданно приблизили эту детскую мечту. Николай Трофимович Коренев, вернувшись с германского фронта, недолго побыл в семье, ушел в белую добровольческую армию. Мать, оставив работу в местной больнице, ушла вслед за отцом сестрой милосердия, оставив сына на попечение своего дяди, настоятеля монастыря архимандрита Тавриона. Вскоре монастырь заняла дивизия красных. Монахов выгнали, а отца Тавриона и еще нескольких с ним отвели в подвал, и больше они не возвращались. Степан скитался, голодал, пока не прибил к Покровской церкви в должности пономаря и чтеца.

Встав из-за стола, перекрестившись на образа, он прочел про себя благодарственную молитву и подошел к отцу Петру под благословение.

- Благослови, батюшка, пойти в алтарь прибраться.

- Иди, Степка, да к службе все подготовь. Завтра Собор Иоанна Предтечи.

Когда Степан вышел, удовлетворенно сказал:

- Понятливый юноша, на Святках восемнадцать исполнилось, так вот беда: сирота, поди, от отца с матерью никаких вестей, а он все ждет их.

В это время к селу Покровка двигалась вереница запряженных саней. Санний поезд сопровождал конный отряд красноармейцев во главе с командиром Артемом Крутовым. В каракулевой шапке, перевязанной красной лентой, в щегольском овчинном полушубке, перепоясанном кожаной портупеей, с маузером на правом боку и с саблей на левом, он чувствовал себя героем и вершителем человеческих судеб. Но истинным хозяином положения был не он, а человек, развалившийся в передних санях. Закутанный в длинный тулуп, он напоминал нахохлившуюся хищную птицу, словно стервятник какой-то.

Из-под пенсне поблескивал настороженный взгляд темно-серых слегка выпуклых глаз, завершали его портрет крупный с горбинкой нос и маленькая бородка под пухлыми губами. Это был уполномоченный губкома по подразверстке Коган Илья Соломонович. Крутов, поравнявшись с его санями, весело про-кричал:

- Ну, Илья Соломоныч, сейчас недалеко осталось, вон за тем холмом село, как прибудем, надо праздничек отметить, здесь хорошую бражку гонят, а с утречка соберем хлебушек - и домой.

- Пока Вы, товарищ Крутов, праздники поповские будете отмечать, эти скоты до утра весь хлеб попрячут - ищи потом. Надо проявить революционную бдительность, контра не дремлет.

- Да какие они контра? Мужики простые, пару раз с маузера пальну - весь хлеб соберу.

- В этом видна, товарищ Крутов, Ваша политическая близорукость; как Вы изволили выразиться, простые крестьяне прежде всего собственники, с ними коммунизм не построишь.

- А без них в построенном коммунизме с голоду сдохнешь, - загоготал Крутов.

- Думайте, что говорите, товарищ Крутов, с такими разговорами Вам с партией не по пути. Не посмотрим и на Ваши боевые заслуги перед Советскою властью.

- Да я так, Илья Соломоныч, - примирительно сказал Крутов, - холодно, вот и выпить хочется, а с контрой разберемся, у нас не забалуешь. Вы мне задачу означьте, и будет все как надо, комар носу не подточит.

- Я уже Вам говорил, товарищи Крутов, наш главный козырь - внезапность. Разбейте бойцов на группы по три человека к каждому саням, как въезжаем в село, сразу по избам и амбарам - забирайте все подряд, пока они не успели опомниться.

- А по скольку им на рот оставлять? - поинтересовался Крутов.

- Ничего не оставлять, у них все равно где-нибудь запас припрятан, не такие уж они простые, как Вы думаете, а пролетариат, движущая сила революции, голодает, вот о чем надо думать. Не успел Коган договорить, как вдали, словно гром, прогремел колокол, а потом зачастил тревожно и гулко, всколыхнув тишину полей и перелесков.

- Набатов бьет, - заметил Крутов. - Это не к службе, что-то у них стряслось, пожар, может.

- Думаю, Ваши такие «простые мужики» о нашем приближении предупреждают, контра, - и Коган зло выругался. - Только как они нас издали увидели? Распорядись, товарищ Крутов, ускорить передвижение.

А увидел отряд продрозверстки Степан. Прибрав в алтаре, почистив семисвечник и заправив его лампадным маслом, разложил облачение отца Петра и решил подняться на колокольню. Любил он в свободные часы полюбоваться с высоты звонницы, откуда открывалась удивительная панорама перелесков и полей, на окрестности села. С собой брал всегда полевой бинокль - подарок отца. Отец вернулся с фронта как раз на Рождество, а на третий день у Степана День Ангела, в празднование памяти его небесного покровителя первомученика и архидиакона Стефана. После службы, когда все пришли домой и сели за именинный пирог, отец достал бинокль.

- На, Степка, подарок - трофейный, немецкий, четырнадцатикратного приближения. Будет тебе память обо мне.

С тех пор Степан с биноклем никогда не расставался, даже когда изгнанный из монастыря красными, скитался голодный, все равно не стал отцов подарок менять на хлеб.

Любуясь с колокольни окрестностями, Степан заметил вдали за перелесками на холме какое-то движение, он навел бинокль и аж отшатнулся от увиденного: остроконечные буденовки, сомнений не было - красные. «Наверное, продрозверстка, о которой говорил Никифор Акимович». Первый порыв был бежать вниз предупредить, но время будет упущено: пока все село обежишь, они уж тут будут. Рука машинально взялась за веревку большого колокола. Степан перекрестился и ударил в набат. Он видел сверху, как выбегают из изб люди и растерянно озираются, многие с ведрами и, не видя пожара, бегут к церкви. Убедившись, что набат позвал всех, Степан устремился вниз по ступенькам с колокольни, навстречу ему, запыхавшись, бежали отец Петр и Никифор Акимович.

- Ты что, Степан, белены объелся? - закричал отец Петр.

Степан рассказал об увиденном.

- Значит, так, мужики, - коротко распорядился Никифор, - хлеб - в сани, сколько успеете, - и дуйте за кривую балку к лесу, там схороним до времени.

Въехав в село и наведя следствие, Коган распорядился посадить отца Петра и Степана под замок в сарай и приставить к ним часового. Прилетел на взмыленной лошади Крутов.

- Ну, Илья Соломоныч, гуляем и отдыхаем.

- Да ты что, товарищ Крутов, издеваешься, под Ревтрибунал захотел?! - вспыхнул Коган. - Сорвано задание партии: хлеба наскребли только на одни сани.

- Да не горячись ты, Соломоныч, договорить не дал, нашелся весь хлеб, за оврагом он. Надо звонарю спасибо сказать, помог нам хлеб за нас собрать, - загоготал Крутов.

- Кому спасибо сказать - разберемся, а сейчас вели хлеб привезти и под охрану.

После уж примирительно спросил:

- Как это тебе так быстро удалось?

Крутов, довольно хмыкнув, похлопал себя по кобуре:

- Товарищ маузер помог, кое-кому сунул его под нос - и дело в шляпе.

Когда уже сидели за столом, Крутов, опрокинув в рот стопку самогона и похрустев бочковым огурчиком, спросил:

- А этих попа с монашкой отпустить, что ли?

Коган как-то задумался, не торопясь и не обращаясь ни к кому, произнес:

- Этот случай нам на руку, надо темные крестьянские массы от религиозного дурмана освободить. Прикажите привести попа, будем разъяснительную работу проводить.

Когда отца Петра втолкнули в избу, он перекрестился на передний угол и перевел вопросительный взгляд на Крутова, счи-тая его за главного. Коган, прищурился, презрительно разглядывая отца Петра, заговорил:

- Мы вас не молиться сюда позвали, а сообщить вам, что губком уполномочил вас, саботажников декрета Советской власти о продрозверстке, расстреливать на месте без суда и следствия.

- Господи, да разве я саботажник? Степка - он по молодости, по глупости, а так никто и не помышлял против. Мы только Божью службу правим, ни во что не вмешиваемся.

- Ваши оправдания нам ни к чему, вы можете спасти себя только конкретным делом.

- Готов, готов искупить вину, - обрадовался отец Петр.

- Вот-вот, искупите. Мы соберем сход, и вы и ваш помощник пред всем народом откажетесь от веры в Бога и признаетесь людям в преднамеренном обмане, который вы совершали под нажимом царизма, а теперь, когда Советская власть дала всем свободу, вы не намерены дальше обманывать народ.

- Да как же так, - забормотал отец Петр, - это невозможно, это немыслимо.

- Вот идите и помыслите, через полчаса дадите ответ.

- Иди, поп, да думай быстрее! - заорал изрядно захмелевший Крутов. - А то я тебя, контру, лично шлепну и твою попадью, и вообще всех в расход пустим.

Отец Петр вспомнил заплаканную матушку и деток, сердце его сжалось, и он закричал:

- Помилуйте, а их-то за что?

- Как ваших пособников, - пронизывая колючим взглядом отца Петра, тихо проговорил Коган.

Но именно эти тихо сказанные слова на отца Петра подействовали больше, чем крик Крутова. Он осознал до глубины души, что это не пустые обещания, и сердце его содрогнулось.

- Я согласен, - сказал он упавшим голосом.

- А ваш юный помощник? - спросил Коган.

- Он послушный, как я благословлю, так и будет.

- Кравчук, - обратился Коган к одному из красноармейцев, - собирай народ, а этого, - ткнул он пальцем в сторону отца Петра, - увести до времени.

Ошарашенный и подавленный отец Петр, когда его привели в сарай, молча уселся на бревно и, обхватив голову руками, стал лихорадочно размышлять. В сознании стучали слова Христа: «Кто отречется от Меня перед людьми, от того и Я отрекусь перед Отцом Моим небесным». «Но ведь апостол Петр тоже трижды отрекся от Господа, а затем раскаялся, и я, как уедут эти супостаты, покаюсь перед Богом и народом, Господь милостивый - простит и меня. А то как же я матушку с детьми оставлю, а могут и ее... Нет, я не имею права распоряжаться их жизнями».

Степан сидел в стороне и молился. На душе его было светло и как-то торжественно. Дверь сарая открылась.

- Ну выходи, контра.

Отец Петр встал и на ватных ногах пошел, продолжая на ходу лихорадочно размышлять, ища выход из создавшегося положения и не находя. Он увидел на крыльце того самого комиссара, который угрожал ему расстрелом, сейчас он размахивал руками, что-то громко говорил толпе собравшихся крестьян; подойдя ближе, отец Петр услышал:

- Сегодня вы протянули руку помощи голодающему пролетариату, а завтра пролетариат протянет руку трудовому крестьянству. Этот союз между рабочими и крестьянами не разрушить никаким проискам империализма, который опирается в своей борьбе со светлым будущим на невежество и религиозные предрассудки народных масс. Но Советская власть намерена решительно покончить с религиозным дурманом, этим родом сивухи, отравляющим сознание трудящихся и закрывающим им дорогу к светлому Царству коммунизма. Ваш священник Петр Трегубов как человек свободомыслящий больше не желает жить в разладе со своим разумом и совестью, которые подсказывают ему, что Бога нет, а есть лишь эксплуататоры-епископы во главе с главным контрреволюционером - патриархом Тихоном. Об этом он сейчас вам сам скажет.

Мужики слушали оратора, понурив головы, и ровным счетом ничего не понимали, услышав, что Бога нет, встrepенулись и с недоумением воззрились на говорившего, а затем с интересом перевели взгляд на отца Петра, мол, что он скажет. Отец Петр, не поднимая глаз, проговорил: - Простите меня, братья и сестры, Бога нет, и я больше не могу вас обманывать. Не могу, - вдруг навзрыд проговорил он, а затем прямо закричал: - Вы понимаете, не могу!

Ропот возмущения прокатился по толпе. Вперед, отстраняя отца Петра, вышел Коган.

- Вы понимаете, товарищи, как трудно это признание досталось Петру Аркадьевичу, бывшему вашему священнику, он мне сам признался, что думал об этом уже давно, но не знал, как вы к этому отнесетесь.

- Так же, как и к Иуде! - крикнул кто-то из толпы.

Но Коган сделал вид, что не услышал этих слов и продолжил:

- Вот и молодой церковнослужитель Степан думает так же, и это закономерно, товарищи; им, молодым, жить при коммунизме, где нет места церковному ханжеству и религиозному невежеству, - и он подтолкнул побледневшего Степана вперед:

- Ну, молодой человек, скажите народу слово.

Отец Петр, как бы очнувшись, понял, что он не подготовил Степана и должен сейчас что-то сделать. Подойдя с боку, он шепнул ему на ухо:

- Степка, отрекайся, расстреляют, ты молодой, потом на исповеди покаешься, я дам разрешительную.

К нему повернулись ясные, голубые глаза Степана, полные скорби и укора:

- Вы уже, Петр Аркадьевич, ничего не сможете мне дать, а вот Господь может мне дать венец нетленный, разве я могу отказаться от такого бесценного дара? - и, повернувшись к народу, твердо и спокойно произнес: - Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси во истину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз...

Договорить ему не дали. Коган, переходя на визг, закричал:

- Митинг закончен, расходитесь! - и, выхватив револьвер, для убедительности пальнул два раза в воздух.

Зайдя в избу, Коган подошел к столу, налил полный стакан самогонки и залпом осушил его.

- Ого! - удивился Крутов. - Вы, Илья Соломонович, так и пить научитесь по-нашему.

- Молчать! - взвизгнул тот.

- Но-но, - угрожающе произнес Крутов. - Мы не в царской армии, а вы не унтер-офицер. Хотите, я шлепну этого сопляка, чтоб другим неповадно было?

- Не надо, - успокаиваясь, сел на лавку Коган. - Ни в коем случае теперь как раз нельзя из него

мученика за веру делать. Надо сломить его упрямство, заставить, гаденыша, отречься. Эта главная идеологическая задача на данный момент.

- Что тут голову ломать, Илья Соломоныч?! - в прорубь этого кутенка пару раз обмокнуть, поостынет, кровь молодая, горячая - и залопочет. Не то что от Бога, от всех святых откажется, - засмеялся Крутов.

- Хорошая мысль, товарищ Крутов, - похвалил Коган. - Так говорите, сегодня у них праздник Крещения? А мы устроим наше, красное крещение. Возьми двух красноармейцев понадежней, забирайте щенка - и на речку.

- Брюханова с Зубовым возьму, брата родного в прорубь опустят, глазом не моргнут.

Идя домой, отец Петр ощущал странную опустошенность, прямо как будто в душе его образовалась холодная темная пропасть без дна. Придя в избу, он с видом побитой собаки прошел по горнице и сел у стола на свое место в красном углу.

Матушка подошла и молча подставила перед ним хлеб и миску со щами. Он как-то жалостливо, словно ища поддержки, глянул на нее, но супруга сразу отвернулась и, подойдя к печи, стала греметь котелками. Дети тоже не поднимали на него глаз. Младшие забрались на полати, старшие сидели на лавке, уткнувшись в книгу. Четырехлетний Ванятка ринулся было к отцу, но тринадцатилетняя Анютка перехватила брата за руку и, испуганно глянув на отца, увела его в горницу. Отцу Петру до отчаяния стало тоскливо и неудобно в доме. Захотелось разорвать это молчание, пусть через скандал. Он вдруг осознал, что затаенно ждал от матушки упреков и укоров в его адрес - тогда бы он смог оправдаться, и все бы разъяснилось, его бы поняли, пожалели и простили, если не сейчас, то немного погодя, но матушка молчала, а сам отец Петр не находил сил, чтобы заговорить первым, он словно онемел в своем отчаянии и горе. Наконец, молчание стало невыносимо громким, оно стучало, словно огромный молот по сознанию и сердцу. Отец Петр пересилил себя, вышел из-за стола и, бухнувшись на колени, произнес:

- Простите меня Христа ради...

Матушка обернулась к нему, ее взгляд, затуманенный слезами, выражал не гнев, не упрек, а лишь немой вопрос: «Как нам жить дальше?»

Увидев эти глаза, отец Петр почувствовал, что не может находиться в бездействии, надо куда-то бежать, что-то делать. И еще не зная, куда бежать и что делать, он решительно встал, накинул полушубок и выбежал из дома. Ноги понесли его прямо через огороды к реке, туда, где сегодня до ранней зорьки он совершал Великое освящение воды. Дойдя до камышовых зарослей, он не стал их обходить, а пошел напрямую, ломая сухой камыш и утопая в глубоком снегу. Но, не дойдя до речки, вдруг сел прямо на снег и затосковал, причитая:

- Господи, почто Ты меня оставил? Ты ведь вся веси, Ты веси, яко люблю Тя? - славянский язык Евангелия ему представлялся единственно возможным для выражения своих поверженных чувств.

Крупные слезы потекли из его глаз, исчезая бесследно в густой, темной с проседью бороде. Пока он так сидел, сумерки окончательно опустились на землю. Отец Петр стал пробираться к реке. Выходя из камыша, он услышал голоса, остановился, стал присматриваться и прислушиваться. Яркий месяц и крупные январские звезды освещали мягким голубым светом серебристую гладь замерзшей реки. Крест, вырубленный во льду, уже успел затянуться тонким льдом, припорошенным снегом, только в его основании зияла темная прорубь около метра в диаметре. Около проруби копошились люди. Приглядевшись, отец Петр увидел двух красноармейцев в длинных шинелях, держащих голого человека со связанными руками, а рядом на принесенной коряге сидел еще один военный в полушубке и попыхивал папироской. Человек в полушубке махнул рукой, и двое красноармейцев стали за веревки опускать голого человека в прорубь. Тут

сознание отца Петра пробило, он понял, что этот голый человек - Степка.

Брюханов с Зубовым, подержав Степана в воде, снова вытащили и поставили его перед Крутовым. Полушубок был на нем расстегнут, шапка сидела набекрень, по всему было видно, что он был изрядно пьян.

- Ну, - громко икнув, сказал Крутов, - будем сознать сей-час, или вам не хватает аргументов? Так вот они, - и он указал пальцем на прорубь.

Степан хотел сказать, что он не откажется от своей веры, но не мог открыть рот, все сковывал холод, его начало мелко трясти. Но он собрал все усилия воли и отрицательно покачал головой.

- Товарищ командир, что с ним возиться? Под лед его на корм рыбам - и всех делов, - сказал Брюханов, грязно выругавшись.

- Нельзя под лед, - нахмурился Крутов. - Комиссар ждет от него отречения от Бога, хотя хрен мы от него чего добьемся. Помню, в одном монастыре игумену глаза штыком выкололи, а он знай себе молитву читает да говорит: «Благодарю Тебя, Господи, что, лишив меня зрения земного, открыл мне очи духовные видеть Твою Небесную славу». Фанатики хреновы, у них своя логика, нам, простым людям, непонятная.

- Сам-то, Соломоныч, в тепло пошел, а нам тут мерзнуть, - заскулил Зубов и, повернувшись к Степану, заорал: - Ты че, гад ползучий, контра, издеваешься над нами?! - и с размаху ударил Степана по лицу.

Из носа хлынула горячая кровь, губы у Степана согрелись и он тихо проговорил:

- Господи, прости им, не ведают, что творят...

Не расслышав, что именно говорит Степан, но уловив слово «прости», Крутов захохотал:

- Видишь, прощения у тебя просит за то, что над тобой издевается, так что ты уж, Зубов, прости его, пожалуйста.

Холодная пропасть в душе отца Петра при виде Степана стала заполняться горячей жалостью к страдальцу.

Хотелось бежать к нему, что-то делать, как-то помочь. Но что он может против трех вооруженных людей? Безысходное отчаянье заполнило сердце отца Петра, и он, обхватив голову руками, тихо заскулил, словно пес бездомный, а потом нечело-веческий крик, скорее похожий на вой, вырвался у него из груди, унося к небу великую скорбь за Степана, за матушку и детей, за себя и за всех гонимых страдальцев земли русской. Этот вой был настолько ужасен, что вряд ли какой зверь мог бы выразить в бессловесном звуке столько печали и отчаянья.

Мучители вздрогнули и в замешательстве повернулись к берегу, Крутов выхватил маузер, Брюханов передернул затвор винтовки. Вслед за воем раздался вопль:

- Ироды проклятые, отпустите его, отпустите безвинную душу.

Тут красноармейцы разглядели возле камышей отца Петра.

- Фу как напугал, - облегченно вздохнул Зубов и тут же зло заорал: - Ну погоди, поповская рожа, - и устремился к отцу Петру.

Брюханов с винтовкой в руках в обход отрезал отцу Петру путь к отступлению. Отец Петр побежал на лед, но, поскользнувшись, упал тут же вскочил и кинулся сначала вправо и чуть не наткнулся на Зубова, развернулся влево - а там Брюханов. Тогда отец Петр заметался, как затравленный зверь, это рассмешило преследователей. Зубов весело закричал:

- Ату его!

И покатываясь со смеху, они остановились. Зубов, выхватив нож и поигрывая им, стал медленно надвигаться на отца Петра. Тот стоял в оцепенении.

- Сейчас мы тебя, товарищ попик, покроем на мелкие кусочки и пошлем их твоей попадье на поминки.

Отцу Петру вдруг пришла неожиданно отчаянная мысль. Он резко развернулся и что есть силы рванул к той проруби, о которой преследователи ничего не подозревали, она уже затянулась корочкой льда и была присыпана снежком.

Не ожидая такой прыти от батюшки, Зубов с Брюхановым переглянулись недоуменно и бросились следом. Тонкий лед с хрустом проломился под отцом Петром, и уже в следующее мгновение Зубов оказался рядом с ним в темной холодной воде. Брюханов сумел погасить скорость движения, воткнув штык в лед, но, упавшее на лед, его тело по инерции прокатилось по льду до самого края проруби. Зубов, вынырнув из воды с выпученными от страха глазами, схватился за край проруби и заверещал, что было сил:

- Тону, тону, спасите, Брюханов, руку, дай руку Бога ради!

Брюханов протянул руку, Зубов судорожно схватился за нее сначала одной рукой, а потом другой, выше запястья руки Брюханова. Тот, поднатужившись, стал уже было вытягивать Зубова, но подплывший сзади отец Петр ухватился за него. Такого груза Брюханов вытянуть не мог, но и освободиться от намертво вцепившегося в его руку Зубова тоже не мог и, отчаянно ругаясь, стал сползать в прорубь, в следующую минуту оказавшись в ледяной воде. Неизвестно, чем бы это все закончилось, не подоспей вовремя Крутов. Он подобрал валявшуюся винтовку и, взявшись рукой за ствол, ударил прикладом в лицо отцу Петру. Отец Петр, отцепившись от Зубова, ушел под воду. В следующую минуту Крутов вытянул красноармейцев на лед. Из-под воды снова показался отец Петр.

- Господи, Ты веси, Ты вся веси, яко люблю Тя, - с придыханием выкрикнул он.

- Вот ведь какая гадина живучая, - озлился Зубов. - Дайте я его сам, - и, взяв винтовку, ударил отца Петра, целясь прикладом в голову, но попал вскользь, по плечу.

Отец Петр подплыл к противоположному краю проруби, ухватившись за лед поднапрягся, пытаясь вскарабкаться, непрерывно повторяя:

- Ты веси, яко люблю Тя...

- Ну ты, Зубов, ничего не можешь толком сделать, - осклабился Крутов и, достав маузер, выстрелил в спину уже почти выбравшегося отца Петра.

Тот, вздрогнув, стал сползать в воду, поворачиваясь лицом к Крутову, глаза его выражали какое-то детское удивление. Он вдруг широко улыбнулся, проговорив:

- Но яко разбойника помяни мя...

Дальше он уже сказать ничего не мог, так с широко открытыми глазами и стал погружаться медленно в воду. Крутов както лихорадочно стал стрелять вслед уходящему под воду отцу Петру, вгоняя в прорубь пулю за пулей, выстрелил всю обойму. Вода в проруби стала еще темнее от крови.

- И впрямь красное крещение, - пробормотал Крутов; сплюнув на снег и засунув маузер в кобуру, скомандовал: - Пошли в избу, выпьем за упокой души.

- А с этим как? - кивнул в сторону Степана Зубов.

- Пусть с ним комиссар разбирается, - махнул рукой Крутов.

Степан лежал в горнице дома отца Петра, и матушка меняла ему холодные компрессы на лбу, он весь горел от жара. Вдруг Степан открыл глаза и зашептал что-то. Матушка наклонилась к нему, чтобы расслышать.

- Что же, матушка, вы их в дом не приглашаете?

- Кого, Степа? - стала озираться матушка.

- Так вот они стоят у двери: мой папа, мама, отец Таврион.

- Бедный мальчик, он бредит, - всхлипнула матушка.

- Я не брежу, матушка, я просто их вижу: папа в белом нарядном мундире с Георгиевскими

крестами, мама в белом платье и отец Таврион, тоже почему-то в белом, ведь монахи в черном только бывают. Вот и отец Петр с ними, значит, Господь его простил. Они зовут меня, матушка, с собой. Почему вы их не видите, матушка? Помогите мне подняться, я пойду с ними, - и Степан, облегченно вздохнув и улыбнувшись, промолвил:

- Я пошел, матушка, до свидания.

- До свидания, Степа, - сказала, смахнув слезу, матушка и осторожно прикрыла веки больших голубых детских глаз, застывших в ожидании Второго и славного пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

Самара - с. Нероновка,
август-сентябрь 2002 г.